

НАМЕРЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ¹

Виталий Васильевич Оглеzneв – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: ogleznev82@mail.ru

В статье представлен анализ понятий намерения, действия, ответственности, показаны их взаимосвязь и значение для философии права. В частности, установлено, что экспликация намерения, основного термина философии сознания, в контексте юридического языка способствует прояснению значений действия, решения, мотива и других понятий, часто используемых в теории уголовного права. Доказано, что связь намерения и действия необходима, но связь намерения и решения таковой не является. Показана релевантность разработанных в философии сознания методик в сфере права.

Ключевые слова: намерение, действие, ответственность, решение, определенность, неопределенность.

INTENTION, ACTION, RESPONSIBILITY

Vitaly Ogleznev – Dr.Phil., Professor, Department of History of Philosophy and Logics, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University.

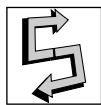


The paper investigates the way in which criminal law of most countries allocates to the idea of intention, as one of the principal determinants of liability to punishment. All civilized penal systems make liability to punishment for at any rate serious crime dependent not merely on the fact that the person to be punished has done the outward act of a crime, but on his having done it in a certain state of frame of mind. These mental or intellectual elements are many and various and are collected together in the legal terminology under the description of a guilty mind. But the most prominent, of these mental elements, and in many ways the most important, is a man's intention. The law's concern with intention generates a number of problems, some of which are discussed in this paper. It is argued that even before one reaches these problems there is a more fundamental question to be addressed: what is a man's intention? This is a question which, quite apart from the law, philosophers have found both intriguing and difficult to answer. The author discusses how it can add complexity to what is considered intentional in criminal law.

Key words: intention, action, responsibility, decision, certainty, uncertainty.

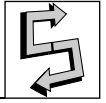
Конкретные поведенческие стратегии индивида, особенно их интенциональная составляющая (или ментальный компонент), всегда были и остаются объектом изучения и предметом дискуссий во многих отраслях гуманитарного знания, будь то философия сознания, когнитивная психология, прагматическая семантика или философия права. В обычном языке ответить на вопрос «Сделал ли *X* а намеренно?» помогает презумпция: если человек что-то сде-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МК-2149.2014.6.

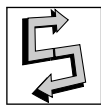


лал, он сделал это намеренно. Так, при описании действий, совершенных (или совершаемых) при *нормальных* обстоятельствах, было бы неуместным утверждать, что человек что-то сделал (или делает) намеренно или ненамеренно. Однако актуализация подобных вопросов в нестандартных типах дискурса, например в юридическом, имеет интересные особенности, фиксация которых позволяет продемонстрировать и оценить значение намерения для философии права. Таким образом, экспликация намерения – основной категории философии сознания – в контексте юридического языка позволит, во-первых, прояснить значения таких понятий, как действие, решение, ответственность, часто используемых в философии уголовного права, и, во-вторых, продемонстрировать (на примере намерения) релевантность методологических установок философии сознания сфере философии права и философии наказания. Здесь особо следует отметить, что далее речь пойдет не столько об уголовном праве (в строгом юридическом смысле), сколько о философии уголовного права, которая не обусловлена характером конкретной правовой системы и не привязана к определенным правовым традициям.

Что такое намерение? Что значит намеренное поведение? Что значит сделать что-то намеренно? На эти вопросы сложно ответить, не ссылаясь на конкретные концепции философии сознания. Подобное положение дел характерно и для философии права [Parsons, 2000: 5–6; Coffey, 2009: 394], где, несмотря на общее согласие в отношении релевантности намерения теории ответственности или философии наказания, этот термин употребляется по-разному. Кроме того, есть существенные отличия в том, как правоведы используют или определяют понятие намерения, и как оно понимается в философии сознания. Различается и употребление этого термина в разных правовых традициях. Так, в российском уголовном праве отсутствует легальная дефиниция намерения; при этом широкое распространение получил принцип виновной ответственности, который гласит, что ответственность за действия определенного лица возникает только тогда, когда установлена его вина, т.е. определенное психическое отношение лица к содеянному (ч. 1. ст. 5 Уголовного кодекса РФ). Напротив, «английское уголовное право достаточно четко характеризует намерение как наиболее опасную разновидность *mens rea*, связывая его либо с целью, когда наступление результата явно желаемо обвиняемым, либо с предвидением неизбежности наступления результата, когда с последствием, может быть и не желаемым эмоционально, обвиняемый соглашается и тем самым психологически желает его наступления» [Есаков, 2005: 591]. Общей тенденцией в рассмотренных подходах является замена понятия намерения на родственные или близкие по значению с ним слова, например на «вину» или «умысел» в российском праве либо на «*maliciously*» или «*willfully*» в английском праве. Однако,



как справедливо отмечает Дж. Флетчер, «разнообразные системы позитивного уголовного права... выявляют большее единство, чем мы обычно себе представляем. Для того чтобы постичь это основополагающее единство, мы должны сделать шаг назад от деталей и лингвистических вариаций уголовных кодексов» [Fletcher, 1998: 285]. Игнорирование этих различий позволяет сместить исследовательские акценты с частных аспектов на более общую проблему понимания намерения в философии права, в частности исследовать так называемое *общее учение* об уголовной ответственности, которое берет свое начало в философии действия XVIII в. Согласно этому учению [Hart, 2008: 90], помимо таких элементов, как знание обстоятельств и предвидение последствий, которые используются для определения виновности деяния, существует еще один «ментальный» или по крайней мере психологический элемент, необходимый для ответственности, т.е. поведение *X* (включая его бездействие, когда оно наказуемо) должно быть намеренным и не быть ненамеренным. Но что в таком случае означает для поведения быть намеренным и не быть ненамеренным? Впервые с так называемой теорией ментального фактора, когда (на примере уголовного права) достаточным условием и необходимым основанием для возникновения уголовной ответственности является наличие «умысла» и возможности «предсказания своих действий», т.е. определенной интенции, которая служила бы причиной поступков, столкнулся Г.Л.А. Харт, доказывая недескриптивную природу юридических терминов [Оглезнев, 2011]. Теория ментального фактора обосновывает дескриптивную природу юридических понятий, когда на вопрос, виновен ли тот или иной человек в определенном проступке, мы должны ответить виновен, если обнаружим у него в поступках «намерения». Г. Райл отмечает интересный факт зависимости теории ментального фактора от того, что он обозначил «интеллектуальные способности», т.е. от сознания, мышления и разума. Когнитивные способности и сам процесс познания при правильной методологической интерпретации могли и не приводить к постулированию ментальной сферы событий. Используя достижения лингвистического поворота, процесс познания и его руководящие факторы можно интерпретировать, не ссылаясь на недоступные наблюдению эпизоды из внутренней жизни индивида. В этом случае познавательные способности редуцируются до способностей пользоваться языком или понимать и употреблять слова в языке, а различия «между описанием бессознательно совершенного действия и описанием физиологически сходного с ним действия, но выполненного целенаправленно, с расчетом или сноровкой... заключаются в отсутствии или наличии определенного рода поддающихся проверке объяснительно-предсказательных суждений» [Райл, 1999: 34]. Рациональное поведение – это поведение, для которого существует теория, описывающая его и предсказывающая его последст-

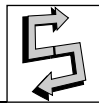


вия, поэтому «интеллектуалистская легенда» ложна и, когда мы описываем действие как разумное, это не влечет за собой описания двойной операции обдумывания и исполнения. Харт объясняет это затруднение, с одной стороны, критикуя понятия «умысел», «воля», «намерение» как туманные и трудно анализируемые, а с другой стороны, показывая, что эти ментальные понятия раскрываются через перечисление конкретных физических условий, отсутствие которых гарантирует наличие этих загадочных сущностей, т.е. Харту удалось вернуть рассмотрение проблемы правоприменения из области психологии в привычную область проблем взаимоотношения фактов и норм [Харт, 2010: 122–124].

Итак, что соответствует намерению в юриспруденции? Как понимается намерение в философии права? Наиболее удачно на эти вопросы, по нашему мнению, отвечает Харт. Он предлагает рассматривать намерение состоящим из трех взаимосвязанных частей, где первая часть это «делание чего-то намеренно», вторая – «делание чего-то с последующим намерением» и третья – «пустое (bare) намерение» [Hart, 2008: 117]. Для объяснения этих аспектов намерения Харт приводит следующие примеры. Представим для первого случая, что *X* сделал что-то такое, что по внешним признакам (совершенные им движения тела привели к неблагоприятным последствиям) подпадает под определение преступления, например *X* выстрелил из пистолета и ранил или убил *Y*. В связи с этим возникает вопрос «*X* ранил (или убил) *Y* намеренно?» Несмотря на то что эти и другие факты склоняют нас к утвердительному ответу на этот вопрос, дальнейшее расследование может показать, что *X* ранил или убил *Y* случайно, например ошибочно полагая, что его пистолет был незаряжен, значит, он сделал это ненамеренно. Случаи, описываемые вторым аспектом намерения («делание чего-то с последующим намерением»), имеют существенные отличия. Предположим, что *X* проник ночью в чужой дом, тогда вопросом будет не столько «*X* проник в чужой дом намеренно?», сколько «*X* проник в чужой дом с последующим намерением что-то украсть?» Если это так, то *X* виновен в незаконном проникновении в чужое жилище, даже если он ничего не украл. Третий аспект намерения («пустое намерение») представляет собой намерение сделать что-то в будущем, не совершая для этого в настоящем никаких действий, например *X* намерен убить *Y*, но планирует это сделать в следующем месяце, поскольку он еще не приобрел оружие. Харт отмечает, что для права именно первый аспект намерения («делание чего-то намеренно») имеет наибольшее значение [Hart, 2008: 118] и вот почему.

Анализ определений различных преступлений (убийство, ограбление, умышленное причинение вреда здоровью и др.) показывает, что ментальный компонент, необходимо присутствующий в определении этих понятий, включает в себя три элемента:

- 1) физические движения частями тела;

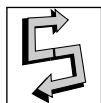


2) последствия или результаты, обычно неблагоприятные, этих движений;

3) набор определенных обстоятельств, при которых движения вызывают последствия.

Действительно, когда *X* стреляет в *Y* и убивает его, *X* совершает определенные физические движения: нажатие пальцем на курок пистолета, если он заряжен, приводит к выстрелу, а в случае попадания в *Y* к его смерти или ранению. Иными словами, набор физических движений вызывает неблагоприятные последствия, и эта связь необходима. Но как установить связь между первым и вторым элементами? Харт считает, что это можно сделать, добавив во второй элемент так называемое предвидение наступления неблагоприятных последствий (или предвидение неизбежности наступления результата) [Bayles, 1992: 245], когда *X* стреляет в *Y*, предвидя наступление неблагоприятных последствий и/или желая их наступления. Если мы посмотрим на типы действий, которые образуют основной интерес уголовного права (например, убийство, нанесение ранений другим лицам и т.д.), становится очевидным, что последние могут совершаться либо тем, кто обладает полным знанием относительно их осуществления, либо, наоборот, тем, кто не предвидит значимых следствий своих движений или у кого отсутствует соответствующее знание об обстоятельствах, в которых он находится, о характере затрагиваемых его движениями вещей или лиц. Например, *X* действительно выстрелил в *Y*. Однако более полное расследование показало, что он сделал это ненамеренно. Возможно, он выстрелил в птицу, заранее не зная того, что *Y* неожиданно и без предупреждения появится на линии огня или что пуля от ricochetит от дерева, либо, возможно, у него были веские основания полагать, что ружье, которым он шуточно целился в *Y*, было незаряженным [Hart, 2008: 91]. Но за пределами права связь этих элементов не всегда является необходимой. Мой сосед каждый день в 6 часов утра начинает играть на пианино, зная, предполагая или предвидя, что тем самым может меня разбудить, и действительно будит. Можно ли в этом случае утверждать, что он разбудил меня намеренно, имея в виду отмеченную выше связь между физическими движениями и вызываемыми ими последствиями? Исключение составляют случаи, где эта связь настолько очевидна и непосредственна, что утверждать, что результат движений не является их прямым следствием, было бы абсурдно. Например, *X* берет в руки молоток и с силой ударяет им по фарфоровой тарелке так, что она разбивается. Без сомнений, *X* разбил тарелку намеренно независимо от того, какие цели он при этом преследовал: проверить на прочность тарелку, молоток, пошуметь или просто привлечь внимание.

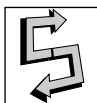
Совершение действия – это сложное дело, предполагающее сосуществование и упорядочивание большого числа различных элемен-



тов. Здесь многое может пойти не так, и некоторые из подобных ситуаций отражены в употребляемых нами печальных изречениях: «случайности неизбежны» и «мы все ошибаемся». Успешное совершение простых действий (будь то зажигание спички, удар ногой по футбольному мячу или написание простого предложения) требует нашей способности определенным образом управлять движениями собственного тела, распознавать определенные предметы и обладать определенным знанием или предвидением последствий обращения с ними или их порчи [Hart, 2008: 90]. Сложность и многогранность анализа понятия действия, равно как и связанных с ним понятий намерения, решения, знания и др., удачно продемонстрировали Г.Л.А. Харг и С. Гемпшир (далее – авторы) в статье «Decision, Intention, and Certainty» на примере пары предложений «Я думаю, что это сделаю, но сомневаюсь» и «Теперь я знаю, что это сделаю», в которых присутствует *знание* своих добровольных действий в настоящем и будущем.

Основной тезис авторов заключается в том, что есть необходимая связь между определенностью, имеющей место в подобных выражениях, и решением что-то сделать, а также что есть необходимая связь между подобной определенностью, намерением что-то сделать и деланием чего-то намеренно. Из этих предложений логически выводятся 1) «Я знаю, что это сделаю», 2) «Я решил это сделать», 3) «Я намерен это сделать», причем необходимая связь, на которую указывают авторы, обнаруживается только между парами предложений 1 и 2, 1 и 3. Попытаемся разобраться, насколько обоснован этот тезис. Очевидно, что эти предложения не имеют эмпирического подтверждения, т.е. не имеют отношения к фактам, что является, по мнению авторов, дополнительным стимулом для их исследования. Следует сделать несколько допущений, способствующих не только прояснению авторской позиции, но и выработке собственной исследовательской стратегии. Нам кажется, что необходимо, во-первых, установить некоторое соответствие между «намерением что-то сделать» и «формированием решения», во-вторых, между «деланием чего-то намеренно» и «принятием решения» и, в-третьих, разобраться, как в целом соотносятся понятия «намерение», «решение» и «определенность». Кроме того, рассмотрим, насколько правильны утверждения, что знание есть определенность, а решение это действие.

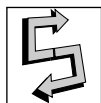
Как нам кажется, под формированием решения следует понимать подготовку исходных данных и их обработку таким образом, чтобы были ясны последствия его принятия. Принятие же решения – это изучение различных вариантов его последствий и утверждение одного из них. Если человек утверждает, что способен с уверенностью (или определенно) предсказать свои действия в будущем, основывая свое предсказание на индукции, то он подразумевает, что рассматри-



ваемые действия будут в некотором смысле или в некоторой степени недобровольными, неконтролируемыми. Если действие в предусмотренной ситуации действительно добровольное, то решение совершить действие зависит от него. Авторы считают, что если от него зависит решение того, что он собирается сделать, то он будет до тех пор оставаться в состоянии неопределенности в отношении того, что он сделает, пока он не примет решение или пока не сформируются его намерения. Наряду с принятием решения и обозрением тех, а не иных причин действия человек должен находиться в состоянии неопределенности в отношении того, что он собирается сделать. Определенность возникает в момент решения, отмечают авторы, и действительно конституирует решение тогда, когда определенность, явившаяся подобным образом, представляет собой следствие рассмотренных причин [Hampshire & Hart, 1958: 2–3]

Так ли это? Можно ли принять решение без уже сформировавшегося намерения его принять? Было бы неправильно утверждать «Я решил сделать *p*, но не уверен в этом», поскольку глагол «решить» употребляется здесь в прошедшем времени, что уже указывает на принятое решение. Равно как было бы неправильно утверждать «Я решил сделать *p*, но не уверен в том, что сделаю *p*, быть может, сделаю *q*». Но что в таком случае является моментом принятия решения? Определенность конституирует решение, если она не является следствием фактов, т.е. возникает в соответствующий момент принятия решения. Когда человек принял решение, то говорят, что он намерен что-то сделать. Моментом принятия решения становится сформировавшееся намерение. Когда человек принял решение, т.е. когда после рассмотрения причин всякая неопределенность в отношении того, что он собирается сделать, была устранена из его сознания, говорят, что какое бы решение он ни принял, он намерен что-то сделать.

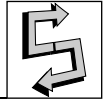
Вызывает сомнение утверждение авторов, что знание считается определенностью. Действительно, решение требует определенности. Принятие решения в условиях определенности предполагает, что если под определенностью понимается ситуация, при которой каждому варианту решения известен вполне определенный набор последствий, то, во-первых, задача хорошо формализована (имеется модель решения), во-вторых, существуют критерии оценки качества принятия решения, в-третьих, можно предвидеть последствия принятия решения. Оперативные решения принимаются в условиях определенности. При этом параметры (характеристики), используемые в процессе принятия решения, определены, их оценка известна с требуемой точностью. Правильным было бы сказать, что знание есть следствие устранения неопределенности, а не определенность, как указывают авторы, в чем мы далее убедимся. Но решение может приниматься и в условиях неопределенности, когда невозможно оценить вероятность



потенциальных результатов. Это должно иметь место, когда требующие учета факторы настолько новы и сложны, что насчет них невозможно получить достаточно релевантную информацию. В итоге вероятность определенного последствия невозможно предсказать с достаточной степенью достоверности. Неопределенность характерна для некоторых решений, которые приходится принимать в быстро меняющихся обстоятельствах. Эти задачи возникают при условии применения в процессе принятия решений, во-первых, неточной, неполной или слабо структурируемой информации, во-вторых, формальные модели либо отсутствуют, либо сложны, и, в-третьих, вероятности наступления событий не определяются. Существует измеримая неопределенность, т.е. риск, и неизмеримая – собственно неопределенность. Риск считается на основе статистических данных, а неопределенность не вычисляется никак, ее величина устанавливается на основе субъективных знаний человека. Источником неопределенности служит либо неполнота знаний о фактах или событиях, либо свойство объекта, которое принципиально невозможно измерить [Диев, 2012: 7–8]. Таким образом, результатом принятия решения можно считать устранение неопределенности.

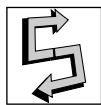
Является ли решение действием? Авторы считают, что решение не есть действие само по себе, но предварительное действие по выбору между двумя вариантами поведения, поскольку решить что-то сделать не значит совершить действие. Можно возразить, что слово «решить» представляет собой действие, т.е. нечто, что я *делаю*, и поэтому решение не может быть адекватно охарактеризовано просто как приобретение определенности в отношении своих будущих действий [Левин, 2014: 31–32]. Можно склониться к утверждению, что определенность – это следствие или результат решения и она должна отличаться от самого решения. Это допущение, по мнению авторов, не позволяет утверждать, что принять решение значит совершить действие. Напротив, предложение типа «Посоветовавшись, суд принял решение» как раз и указывает на то, что судом совершено определенное действие, поскольку это есть перформативное выражение, а не просто утверждение [Оглезнев, Суворцев, 2013].

Авторы предлагают различать индуктивную определенность, основанную на фактах, и определенность, основанную на причинах, причем последняя и есть *действие* [Hart, 2008: 104–106]. Анализ последней разновидности определенности как раз и позволяет пролить свет на понятие намерения. Как мы уже отмечали, есть два принципиальных момента, указывающих на то, как намерение связано с действием. Во-первых, когда *X* что-то сделал например ударил *Y*, может возникнуть вопрос, сделал ли *X* это намеренно или ненамеренно, или имел ли *X* намерение сделать то, что фактически сделал. Во-вторых, может возникнуть вопрос, намерен *X* или нет выполнить некоторое



действие в будущем; подобный вопрос может возникнуть относительно его прошлого (уже сформировавшегося) намерения совершить какое-то действие, даже если он не собирался его совершать. В первом случае высказывание «Он это сделал намеренно» указывает исключительно на устранение того, что он что-то сделал ненамеренно, где под «ненамеренно» понимается, что то, что он сделал, он сделал случайно или по ошибке. Из этого следует, что полное значение «намеренно» заключается лишь в отрицании им случайности или ошибки.

Анализ понятия делания чего-либо намеренно возможен только, во-первых, через описание соответствующего контекста использования слова «намеренно», отрицающего случайность или ошибку, и, во-вторых, через разъяснение случайности или ошибочности. Следует учитывать, что выражение «Он это сделал намеренно» означает гораздо больше, чем «Он не делал этого ненамеренно» или «Он не делал этого случайно или по ошибке», которые логически предполагаются первым предложением и уж тем более им не исключаются. Если действие является намеренным, то агент, по мнению авторов, должен обладать, во-первых, определенным эмпирическим (практическим) знанием того, что затрагивают его действия, а во-вторых, агент должен знать последовательность своих действий и результат своего действия, т.е. то, к чему приведет его действие. Так ли это? Например, *X* выстрелил в *Y*. Если спросить *X*, что он сделал, то ему пришлось бы определить свое действие как выстрел в *Y*, поскольку его намерение было направлено на поражение цели. Если *X* это признает, то знание того, что выстрел является результатом взрыва порохового заряда патрона, т.е. знание фактов, не является необходимым и достаточным основанием намеренности в действиях *X*. Тем более необязательно знать последовательность действий, приведших к выстрелу (натяжение спускового механизма оружия, взрыв порохового заряда, выстрел и т.д.). Авторы отмечают, что *X* должен знать: то, что у него в руке, – это огнестрельное оружие. В противном же случае действия *X* нельзя считать намеренными или что то, что он фактически сделал, он сделал ненамеренно (случайно или по ошибке). Но если мы, следуя подобной аргументации, признаем, что определенность это и есть знание (что весьма спорно, как мы убедились выше), то намерение *X* выстрелить в *Y* может обосновываться и индуктивной определенностью (эмпирическими фактами), для чего нет необходимости в знании механизма выстрела и знания того, что в руках – оружие, поскольку *X* может сказать, что он видел, как другие поражают цель, совершая определенные манипуляции с металлическим предметом, который они называли оружием. Возможно, авторы имели в виду, что именно причины *определяют* намерение, а не факты твоего прошлого поведения или поведения других.



Из представленного анализа предложений «Я знаю, что это сделаю», «Я решил это сделать», «Я намерен это сделать» мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, не всегда, но зачастую намерение является желанием совершить что-то, предполагающее наличие цели. Несмотря на то что желание и намерение имеют схожее употребление, есть и весьма существенные различия, которые обнаруживается, например, в таких выражениях, как «сокровенное желание», «желанная женщина» или «желаю счастья». Более того, как верно отмечают Л. Зайберт и Б. Смит, «намерения связаны с действиями иначе, чем желания. Ты можешь намереваться сделать только те вещи, которые, как ты думаешь, способен сделать; когда ты намерен сделать *X* при условии, что твоё намерение сформировалось, то *X* осуществится так, “как полагается”, например таким образом, каким агент этого ожидал. Эти два момента отличают намерения от таких явлений, как желания» [Zaibert & Smith, 2007: 169]. Во-вторых, конечно, намерение связано с действием, но не исчерпывает полностью его значения [Boden, 1959; Stern, 1959], в то же время нам удалось доказать, что *принять решение* значит совершить действие. Таким образом, с Хартом и Гемпширом следует согласиться лишь в том, что связь намерения и действия необходима, но связь намерения и решения таковой не является. В-третьих, представленный анализ намерения свидетельствует о релевантности методик философии сознания сфере права, в частности философии наказания и общей теории юридической ответственности.

Библиографический список [References]

Борисов, Ладов, Суровцев, 2010 – Борисов Е.В., Ладов В.А., Суровцев В.А. Язык, Сознание, Мир. Очерки сравнительного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс : ЕГУ, 2010. [Borisov E.V., Ladov V.A., Suvorovcev V.A. Jazyk, soznanie, mir. Oчерki komparativistickogo analiza fenomenologii i analiticheskoj filosofii (Language, consciousness, world. Wssays on the comparative analysis of phenomenology and analytical philosophy). Vilnius, 2010.]

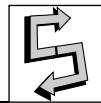
Диев, 2012 – Диев В.С. Критерии выбора альтернатив: рациональные модели и реальные решения // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 1(10). С. 5–12. [Diev V.S. Kriterii vybora alternativ: racional'nye modeli i real'nye reshenija (Criteria of alternative choice: rational modes and real decions). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofija - Bulletin of the Novosibirsk State University. Philosophy, 2012, no. 1(10), pp.5-12.]

Есаков, 2005 – Есаков Г.А. Намерение в английском уголовном праве (на примере тяжкого убийства) // Lex Russica. 2005. Т. LXIV, № 3. С. 576–591. [Yesakov G.A. Namereniye v anglijskom ugovolnom prave (na primere tyzkogo ubijstva) (Intention in English criminal law (on an example of murder)). Lex Russica, 2005, vol. LXIV, no.3, pp.576-591.]

Левин, 2014 – Левин С.М. Предварительные намерения и проблема заблудшей причинности // Философия науки. 2014. № 3(62). С. 30–41. [Levin S.M. Predvaritel'nye namerenija i problema zabludshej prichinnosti (The prior intention and the problem of wayward causation). Filosofija nauki - Philosophy of science. 2014, vol.62, no.3. pp.30-41.]

Оглезнев, 2011 – Оглезнев В.В. Интенциональность в философии права Герберта Харта // Вестник Томского государственного университета. Фило-софия. Социология. Политология. 2011. № 2(14). С. 160–166. [Ogleznev V.V. Intencional'nost' v filosofii prava Gerberta Harta (Intentionality in Herbert Hart's legal philosophy). Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofija. Sociologia. Politologija. - Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 2011, vol.14, no.2, pp.160-166.]

Оглезнев, Суровцев, 2013 – Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // Правоведение. 2013. № 4(309). С. 134–147. [Ogleznev V.V., Suvorovcev V.A. Analiticheskaya filosofija prava G.Harta i pravovoi realizm (H.Hart's analytical philosophy of law and legal realism). Pravovedenie - Legal Science., 2013, vol. 309, no.3. pp.134-147.]



Оглезнев, Тарасов, 2010 - *Оглезнев В.В., Тарасов И.П.* Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №4(12). [Ogleznev V.V., Tarasov I.P. *Askriptivnost' kak ontologicheskoe svoystvo juridicheskikh ponyatij* (Ascriptivity as an ontological quality of juridical concepts). *Vestnik Tomsokogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia. Sociologia. Politologia. - Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2010, vol.12, no.4, pp.101-110.]

Райл, 1999 – *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. [Rajl G. *Ponjatije soznaniija* (G.Ryle. The concept of mind). Moscow, 1999.]

Харт, 2010 – *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и права // Правоведение. 2010. № 5(292). С. 116–135. [Hart G.L.A. *Pripisyvanie otvetstvennosti i prava* (*The Ascription of Responsibility and Rights*). *Pravovedeniye - Legal Science*, 2010, vol.22, no.5, pp.116-135.]

Bayles, 1992 – *Bayles M.D.* Hart's Legal Philosophy: An Examination. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992.

Boden, 1959 – *Boden M.A.* In Reply to Hart and Hampshire // *Mind*, New Series. 1959. Vol. 68, No. 270. P. 256–260.

Coffey, 2009 – *Coffey G.* Codifying the Meaning of “Intention” in the Criminal Law // *The Journal of Criminal Law*. 2009. No. 73. P. 394–413.

Fletcher, 1998 – *Fletcher G.P.* The Fall and Rise of Criminal Theory // *Buffalo Criminal Law Review*. 1998. Vol. 1, No. 2. P. 275–294.

Hart, 2008 – *Hart H.L.A.* Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law. Second Edition. Oxford University Press, 2008.

Hart, 1952 – *Hart H.L.A.* Signs and Words // *The Philosophical Quarterly*. 1952. Vol. 2. P. 59–62.

Hampshire & Hart, 1958 – *Hampshire S., Hart H.L.A.* Decision, Intention, and Certainty // *Mind*. 1958. Vol. 67. P. 1–12.

Parsons, 2000 – *Parsons S.* Intention in Criminal Law: Why Is It So Difficult to Find? // *Mountbatten Journal of Legal Studies*. 2000. No. 4. P. 5–19.

Stern, 1959 – *Stern K.Mr.* Hampshire and Professor Hart on Intention: A Note // *Mind*, New Series. 1959. Vol. 68, No. 269. P. 98–99.

Zaibert & Smith, 2007 – *Zaibert L., Smith B.* The Varieties of Normativity: An Essay on Social Ontology // *Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Social Ontology*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 157–175.